

\* \* \*

*Валерию Хатюшину*

Мы пришли в этот мир  
Из холодных квартир,  
Где под примус скворчала картошка,  
Где за стенкою жил отставной конвоир,  
Все приученный слушать сторожко.  
Где динамик хрюпел от темна до темна  
И нигде его не выключали —  
Вдруг внезапно объявишь, что снова война  
И по радио выступит Сталин?..  
Этот круглый динамик меня одарил  
Знаньем опер, столиц и героев.  
Душу «Валенки» грели,

«Орленок» парил,  
И танкистов-друзей было трое...  
А Утесов хрюпел нам про шар голубой,  
Но мы знали — объявят тревогу,  
И пойдем «на последний, решительный бой»,  
Так что, «смело, товарищи, в ногу...»  
А теперь ни динамиков нет, ни святынь...  
И давно нет в быту керосина.  
Телевизор посмотришь: «Нечистая, сгинь...»,  
Где был дух, там одна Хиросима.  
Слышу старых друзей голоса из-под плит —  
Им так больно, что мир разворован!  
И отрада одна — белый аист летит  
Все же выше, чем каркает ворон...

\* \* \*

Воды остыли, раскисли дороги.  
Скоро, наверное, Праведный Суд.  
Люди боятся — гневливые боги  
Что еще страшного им принесут?

Болью и ложью истерзанный весь я,  
Мучусь иным у грядущих Голгоф —  
Что вознесется со мной в поднебесье,  
Чем испугаю усталых богов?..

\* \* \*

Когда подступает обид череда,  
И мир покидают хорошие люди,  
Я в миг роковой вспоминаю всегда,  
Что лучше не будет...

И в небе напрасную птицу слежу,  
И взгляд мне звезда обжигает всевластно.  
Но я все о том же твержу и сужу —  
Мол, все не напрасно...

Никем не отменится час роковой...  
И слепо бредя по пузырчатой луже,  
Шепчу еле слышно: «Гордись, что живой...  
Бывает и хуже...»

Пусть целит судьба, чтоб ударить под дых,  
И звезды тускнеют в неоновом свете,  
Пусть ветер свистит в колокольнях пустых,  
Он все-таки ветер...

\* \* \*

Узколицая тень все металась по стареньким сходням,  
И мерцал виновато давно дрогревший костер...  
А поближе к полуночи вышел отец мой в исподнем,  
К безразличному небу худые ладони простер.

И чего он хотел?.. Лишь ступней необутой примятый,  
Побуревший листочек все рвался лететь в никуда.  
И ржавела трава... И клубился туман возле хаты...  
Да в озябшем колодце звезду поглотила вода.

Затаилась луна... И ползла из косматого мрака  
Золоченая нежить, чтоб снова ползти в никуда...  
Вдалеке завывала простуженным басом собака,  
Да надрывно гудели о чем-то своем провода.

Так отцова рука упиралась в ночные просторы,  
Словно отодвигая подальше грядущую жуть,  
Что от станции тихо отъехал грохочущий «скорый»,  
Чтоб во тьме растворяясь, молитвенных слов не спугнуть...

И отец в небесах...  
И нет счета все новым потерям.  
И увядший букетик похож на взъерошенный ил...  
Но о чём он молился в ночи, если в Бога не верил?..  
Он тогда промолчал... Ну а я ничего не спросил...

\* \* \*

*Свеча горела...*  
Борис Пастернак

Дрожат небесные лучи  
Меж тонких веток.  
Судьбу с реальностью сличи —  
И так, и этак...

Мерцают тихо вновь и вновь  
Средь снегопада  
Свеча-судьба, свеча-любовь,  
Свеча-отрада.

И невозможно оторвать  
Свой взор усталый,  
Следя — струится благодать  
Над снегом талым.

Все бренно... Ниточка слаба,  
Но длят мгновенья  
Свеча-печаль, свеча-судьба,  
Свеча-прозренье.

Куда ни глянь, чего ни тронь —  
В любовном стоне  
Пусть тонет женская ладонь  
В мужской ладони.

И пусть не меркнут в толще лет,  
Средь лжи и смрада,  
Свеча-закат, свеча-рассвет,  
Свеча-отрада...

\* \* \*

Шепоткам назло, глазам колючим,  
Недругам, что ждут невдалеке,  
Я пишу на русском, на могучем,  
На роднящем души языке.

Я пишу... И слышится далече,  
Сквозь глухую летопись времен,  
Исполинский рокот русской сечи,  
Звонниц серебристый перезвон.

И живот в бою отдав за друга,  
Друг уходит в лучшие миры...  
И по-русски просит пить пичуга,  
И стучат по-русски топоры.

И рожден родного слова ради,  
Будет чист прозренья чудный миг,  
Как слезинка кроткого дитяти,  
Что стекла на белый воротник...

\* \* \*

Догорала заря... Сивер выл над змеистым обрывом,  
Умерла земляника во чреве забытых полян...  
А он шел, напевая... Он был озорным и счастливым...  
— Как же звать тебя, *милай*?.. И вторило эхо: «Иван...»

Он шагал через луг... Чертыхаясь — нескжатой полоской,  
Ну а дальше, разуввшись, по руслу засохшей реки.  
— И куда ты, Иван? — Туда, где красою неброской  
Очарован, стекает косматый туман со стрехи...

— Так чего тут искать? Это ж в каждой деревне такое,  
Это ж выбери тропку и просто бреди наугад.  
И увидишь туман, что с утра зародясь в травостое,  
Чуть позднее стекает со стрех цепенеющих хат...

Эх, какая земля! Как здесь все вековечно и странно!  
Здесь густая живица в момент заживляет ладонь.

Здесь токует глухарь... И родится Иван от Ивана —  
Подрастет и вражине промолвит: «Отчизну не тронь!»

Нараспашку душа... Да и двери не заперты на ночь.  
Золотистая капля опять замерла на весу...  
— Ты откуда, Иван? — Так автобус сломался, Иваныч,  
Обещал ведь Ванюшке гостинца... В авоське несущ...

\* \* \*

*«А я любил советскую страну...»*  
Геннадий Красников

Скорей не потому, а вопреки,  
Что над страной моей погасло солнце,  
Я вас люблю, родные старики,  
Матросова люблю и краснодонцев.

О, сколько было строек и атак  
В моей стране, исчезнувшей!.. Однако  
Ее люблю, не глядя на ГУЛАГ  
И несмотря на травлю Пастернака.

Теперь она отчетливей видна,  
Там дух иной и истинность — иная,  
Где радио хрюпело допоздна,  
Что широка страна моя родная.

Мне до сих пор ночами напролет,  
Из памяти виденья доставая,  
Русланова про «Валенки» поет  
И три танкиста гонят самураев...

Там Сталинград еще не Волгоград,  
Там «Тихий Дон», там песенное слово.  
И в ноябре, как водится, парад —  
Под первый снег... В каникулы... Седьмого...

Мне в детские видения слова  
Впечатились, чтоб нынче повториться:  
«Столица нашей Родины — Москва...»  
Я там же... Не Москва моя столица...

Смахну слезу... На несколько минут  
Прижмусь щекой к отцовскому портрету.  
Седьмое ноября... У нас — салют...  
Во славу той страны, которой нету.

\* \* \*

«...что русский исход тяжелей, чем еврейский исход...»

Надежда Мирошниченко

А время кричало в пустом и безветренном поле,  
Что русский исход тяжелей, чем еврейский исход.  
И аист кружил... Он в полете не думал о воле —  
Не думает вовсе о воле свободный народ!..

И что-то мешало идти и не думать о бренном,  
И что-то велело укрыться свое забытье.  
А это Россия торопко струилась по венам,  
В висках выбивая росистое имя свое.

И что-то гудело в далекой, не хоженой чаше,  
Да так, что казалось — вот-вот и уже бурелом...  
Но аист летящий, но аист о чем-то кричащий,  
Взрезал беспросветность своим осторожным крылом.

И вроде светлело... Все больше являлось народу —  
Следили за птицей, чубы к поднебесью задрав.  
И вброд перешли они стылую черную воду,  
Что в скользких обломках несла очертанья держав.

И даль содрогнулась... И что-то вдали заалело.  
И плечи не гнулись под вечное: «Мать-перемать...»  
А тело болело... Да в венах Россия гудела,  
И в тромб собиралась, готовая сердце взорвать...

\* \* \*

Чуть курчавится дым от воткнутой в салат папиросы,  
Не идет разговор... И не пьется... И мысли не в лад.  
Все ответы даны... Остаются все те же вопросы:  
«Что же делать теперь?...» И, конечно же: «Кто виноват?»

Да, характер таков у смурного от жизни народа,  
Все: «Авось, перебьемся... Авось, доживем до поры...»  
Будут мед добывать, а себе не останется меда,  
Воздвигают палаты, а хаты кривы и стары.

Угорая в чаду, что дарит позабытая выюшка,  
Все боятся чего-то и вечен тот давящий страх.  
Но наутро из хаты — чуть свет! — выбегает девчушка,  
И сама, как росинка, и солнце несет в волосах.

И ее узнают и деревья, и рыбы, и птахи,  
И листок золоченый все тщится в ладошку слететь...  
Крикнет: «Папа, гляди!..» И отцы забывают про страхи,  
И шеломистый купол на Храме спешит золотеть.

Засочится смола вдоль недавно ошкуренных бревен,  
Мужики пожалеют, что вечером слабо пилось...  
— Кто виновен? — спроси. И ответят: «Никто не виновен...»  
— А что делать-то нужно? — Так выживем, людцы... Авось...»

\* \* \*

Время метаний... Основа основ.  
Пусто и голо.  
Вроде Микола стоит Лупсяков...  
**Як ты, Мікола?**

Переступлю через снежный сумет,  
Прошлое — рядом.  
Толя Гречаников руку пожмет:  
**«Што з перакладам?..»**

От недовольных супружниц тайком,  
Ближе к вечерне,  
С Мишой Стрельцовым пойдем с коньком  
К Хведару Черне.

Гришка Евсеев, Володя Марук:  
**«Вып’ем і годзе...»**  
По корректуре размашисто: **«Ў друк!»** —  
Павлов Володя.

Небо нахмурилось, тени струя.  
Стежечка в жите.  
Где вы?.. В какие уплыли края?  
**Хлопцы, гукніце!..**

А с поднебесья: «Ушедших — не тронь!..» —  
Грозно и строго.  
**Толькі валошка казыча далонь...**  
**Цемна... Нікога...**

## ПРОЩАНИЕ С АВГУСТОМ

Позднее светает... Уносят тепло  
Смущенные аисты.  
Пока что не осень, но время пришло  
Прощания с августом.

Молоденькой прелюю пропахший овраг  
Грустит в одиночестве.  
Приходит к нему только Ванька-дурак...  
Растрепа... Без отчества...

Чадит костерок.  
— Подходи, посидим —

Вот здесь, под березою...  
Но Ванька питается духом грибным  
И дымкою розовой.

— Эй, Ванька, чего это в душах свербит,  
Вот елки зеленые!  
Он лишь отмахнется и что-то бубнит  
Свое, забушенное.

О чем ни спроси, Ванька врать не мастак:  
«Не знаю... Не ведаю...»  
Прощается с августом Ванька-дурак,  
А мы тут с беседою.

Тридцатое августа... Голос далек.  
Редеет дубравушка.  
А истину знают лишь ванькин киек  
Да вдовий журавушка.